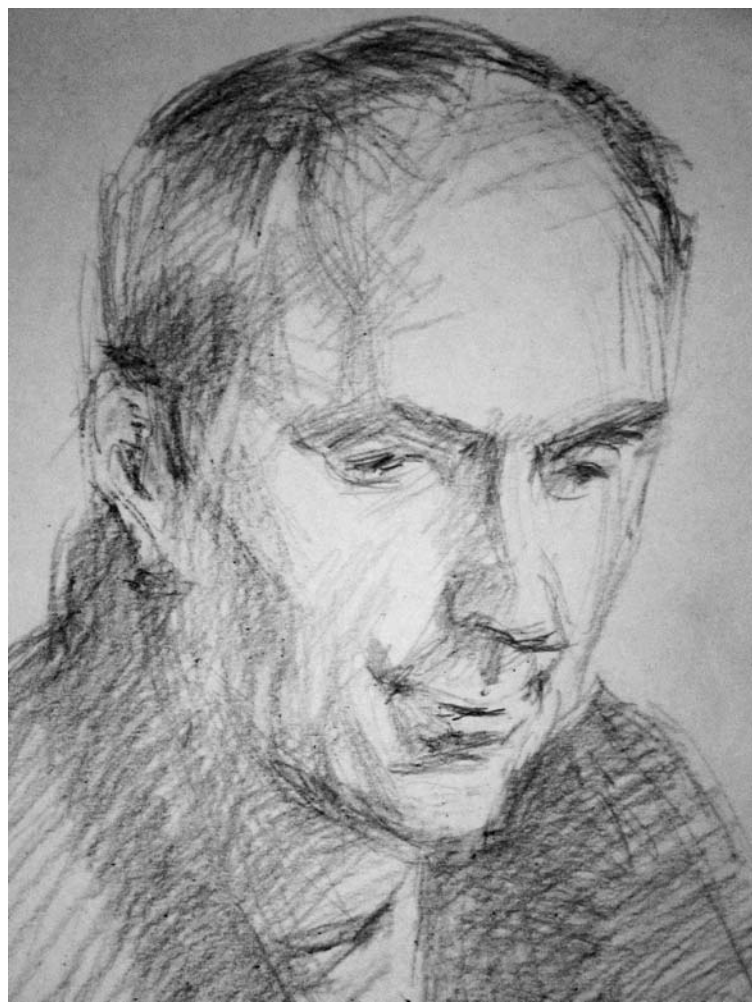

Вкруг сонца

Алексей Гушан

В КРУГ СОЛНЦА

Избранное

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СТЕКЛОГРАФ»
МОСКВА, 2019

УДК
ББК
Г97

Гушан Алексей
Г97 Вкруг солнца (избранное). —
М.: Стеклограф, 2019. — 78 с.

ISBN

Гушан Алексей Николаевич родился в 1984 году в г. Лодейное Поле Ленинградской области. Живёт в п. Малаховка Московской области.

Поэт, публицист, член Союза писателей России, общественный деятель. Лауреат многих российских и международных литературных премий, конкурсов и фестивалей. Награждён почётным дипломом «За поддержку и вклад в развитие авторского творчества», почётным дипломом имени Павла Флоренского «За вклад и укрепление Православия в России» и специальным дипломом Международного литературного конкурса им. Ф.И. Тютчева «Мыслящий тростник» «За верность традиции и проникновенный лиризм». Награждён медалью имени И.А. Бунина и медалью «Ярослав Смеляков» за мастерство и преданность творческим традициям классической литературы.

Публиковался в региональных, федеральных и международных печатных изданиях России, Беларуси, Финляндии, Австралии (Берега, Юность, Наш современник, Литературная газета, Север, Среда, Поэзия, Литературный Омск, Белая Вежа и других). Автор книг «Земля Тишины» (2015 г.) и «Любуясь жизнью» (2016 г.).

© А. Гушан, 2019
© «Стеклограф», 2019

О Т А В Т О Р А

Мне очень нравится высказывание одного из великих духовников XX века, игумена Никона (Воробьёва): «Жалейте друг друга... Я уже боюсь сказать «любите», слишком высоко — жалейте». Это высказывание о моём времени и обо мне! Стремительно теряется, если уже не потерялась, способность любить. В бесконечной суете будней и праздников не чувствуешь этой великой утраты. Живёшь, работаешь, покупаешь-продаёшь, едешь куда-то в отпуск, выкладываешь фотографии в соцсетях, даже иногда что-то умное читаешь — и продолжаешь терять способность любить!

Любить уже не под силу! А жалеть? Хотя бы жалеть?! И тут беда — и жалеть-то, оказывается, трудно. Жалеть — это сострадать! А сострадание, как писал Достоевский, есть высочайшая форма человеческого существования! Возможно ли взять такую высоту? Где искать ответа?

Писатели — деревенщики или, как их называл Александр Солженицын — нравственники, в своих произведениях показывают всю высоту жалости, всю глубину сострадания. Они рыдают об уходящей натуре, об исчезающем укладе жизни, о гибнущей деревне, о потерянной гармонии с природой. Именно у этих писателей я ищу ответа, учусь жизни человеческой. А если получится быть человеком, то получится быть и писателем! И я учусь, всё больше понимая слова Лидии Чуковской, что дело писателя не преследовать, а вступаться. Книга «Вкруг солнца» — это моя попытка вступиться

за то, о чём болит душа и о чём она поёт, за то, что жизненно важно для меня!

Четыре времени года, двенадцать месяцев и много-много неповторимых дней— всё это лишь один оборот Земли вокруг Божьего светила. Именно этот временной промежуток я и взял за основу своей книги. Казалось бы, один виток, а сколько всего происходит с нами и вокруг! Как прекрасно и удивительно насыщено бытие! И хочется познать все тайны, все глубины его. Хочется почувствовать себя частичкой этих тайн, этой глубины, создавая неповторимый калейдоскоп жизни, наполняя смыслом каждое её мгновение. Естественно, что-то мы познаем, а что-то так и остаётся тайной, которая тем и прекрасна, что нераскрыта. В этом и Бог, и поэзия! Конечно, немало горького и худого происходит вокруг, но хорошего и светлого больше всё же! Знаю!

Как много мне ещё хочется рассказать тебе, мой дорогой читатель, об этой книге. Хочется поделиться теми идеями, которые я вкладывал в написанное, но понимаю, что всё это будет лишним. Как говорил Андрей Тарковский: «Книга, прочитанная тысячами людей, это тысячи разных книг». И с этим не поспоришь. Поэтому, мой друг, я хочу пожелать тебе самому немного потрудиться и открыть новые, потаённые смыслы в моих стихах. Открыть и напитать ими своё сердце!

В добрый путь!

Алексей Гушан

Moei Kame

В Ы Б О Р

Луна, играя с влюбчивой волной,
Разворошила заросли осоки.
Угрюмый и, наверное, больной
Сидит поэт, отхаркивает строки.

Другой поэт, как ошалелый тать,
Всю черноту за пазухою носит.
Он эту черноту в кого-то бросит
Да так, что и пером не описать.

Но есть и тот, кто ближе к облакам.
Предвосхищая радость воскрешенья,
Он, как Адам, по богодухновенью
Даёт названья травам и стихам.

Когда земля вдруг разродится сном,
И сон поймёт, что он за всё в ответе,
Приходят в мой покой поэты эти,
Склоняются над письменным столом

И пишут, пишут много своего,
А на заре скрываются в тумане...
О, Боже правый, что за испытанье
Мне выбирать из этого всего.

Холод меня воспитал и вложил перо...

И. Бродский

П Е Р В О З И М Ь Е

Морозы, как известно, впереди.
А нынче по земле вороньи стаи
Выхаживают. Снег вчерашний тает.
Воды кругом поболе «пруд пруди».

С погодой человек не угадал,
Иначе бы галоши заготовил.
Куда-то он спешит, насупив брови,
Кляня за сырость «Небводоканал».

И я спешу, спешу наперекор
Судьбе, что вся до ниточки промокла.
Приду домой, развешу тюль на окна —
Проходим подарю зимы узор!

В Д Е К А Б Р Е

В декабре семь погод на дворе — и сегодня седьмая.
Не метёт, не кружит, но хватили морозы, и вот
На лету застывают слова. Разве этого мало,
Чтобы просто молчать и смотреть, как секунда плывёт,

А за нею другая? Молчание будет спасеньем
Для согбенного года, который готов уходить.
Он уйдёт — это значит, что снова свершится Рожденье,
Это значит, что снова звезде над пещерой светить!

Он уйдёт... Боже мой, мне с лихвой этой радости хватит!
Вот мерцает лампада пред ликом Пресветлым Твоим.
Собирается в путь, помолившись, Всепетая Мати...
Семь погод в декабре — поживём,

поглядим,
помолчим.

Ю Р Ь Е В Д Е Н Ь

Снег валит. Раздолье детворе.
Снежный бой на каждом перекрёстке.
Белое в новинку в декабре.
Отскрипела старая повозка.

Ей теперь заслуженный покой
До весенних беспокойных трелей.
Мир сейчас доверчивый такой,
Как новорождённый в колыбели.

Молодежь, как стайка воробьёв,
Пролетит, других не замечая.
Принесу домой охапку дров
Из заиндевелого сарая.

Всё вокруг сверкает и спешит.
Лишь сосед с изогнутой клюкою
У колодца молча постоит
И пойдёт, качая головою.

— Что не весел, дедушка Фома?
Оглянись-ка, красота какая!
— Нонче будет лютая зима!
Слышишь, как в колодце завывает!

О В О Л Ш Е Б С Т В Е

А бывало и так. Уходя по делам из дома,
Подпирали обычные двери волшебной палкой.
И в те двери зайти не решился бы незнакомый.
Не решился б, ей-богу—не надо ходить к гадалке.

Нынче мы, уходя, запираем замки, засовы
На тяжёлых дверях из какой-нибудь супер стали...
В этом мире, наверное, многое бестолково,
Раз волшебные палки вдруг действовать перестали.

* * *

Был месяц — он листья жёг.
Был месяц живой воды.
А ныне вода — снежок,
И всюду следы-следы.

Был месяц, и в нём река.
Был берег и тут, и там.
А ныне снега-снега —
Никто не указ снегам.

Был месяц румяных щёк.
Был месяц совсем больной...
Я здесь постою ещё.
Постой же и ты со мной.

О Т Т Е П Е Л Ь

Чудно́, ей-богу! Пару дней назад
Мороз сжимал деревню аж до хруста,
Над крышами дымы клубились густо,
И старики смолили самосад.

Тепéрича растéплилось. И мы
Вкушаем дни, как нежную малину.
Спешат аборигены к магазину
Поговорить о вы́чурах зимы.

А я смотрю, как за моим окном
Невидимый Поэт выводит буквы,
И нашу жизнь из переспелой клюквы
Пресуществляет в сладкое вино.

С У З Д А Л Ь

1.

Оснежен снами вековыми
Над Спасом небосвод.
В монастыре живёт Евфимий —
Семь сотен лет живёт.

Хоть день январский монотонен —
У старца уйма дел:
Он веточку берёзки тронет,
Чтоб снег с неё слетел,

Он лучик солнечно-пригожий
Посадит на амвон
И с колокольни на прохожих
Прольёт медовый звон.

А после не спеша Евфимий
Пойдёт на Покрова.
— Жива ли, матушка София?!
— Жива!

2.

Толчея на площади Торговой—
Медовуха! Пряники! Блины!
Иностранцы познают основы
Навсегда непознанной страны.

И лошадки шевелят ушами,
И возницы зазывают люд,
Мальчик на листе карандашами
Написал наивнейший этюд:

Будто нет блуждающих туристов,
Нет манящей вывески «Шашлык».
Улицы пусты, и небо чисто,
И цветут кремлёвские валы.

РУССКИЙ ПУТЬ

*3 января 2012 года отошёл ко Господу
странник А. Канышев*

Не из варяг да в греки, не путём
Шелковым, не другой какой дорогой
Бредёт Россия вместе с дурачьём —
Сама убога и они убоги.

Кто их осудит, кто и осмеёт,
Кто у виска значительно покрутит,
А кто-то от своей душевной мути
В закуте тёмном в голос заревёт.

Ревя, ревя, незлобный мой народ.
За то с тебя никто не спросит строго.
Россия дурачьё своё ведёт
До Бога...

Г Л У Х О З И М Ь Е

Чахнул день в декабре— в январе, погляди-ка, воскрес!
Сквозь простудную сырость тяжёлых небесных завес
Пробивается просинь. Лампады в Раю зажигают,
Потому-то на сторону света пошёл перевес.

Перевес на весну! Но легко не отпустят своё
Ни морозы, ни вьюги. Кликушествует вороньё
Над цыганом, что продал, как исстари водится, шубу,
Понадеявшись вновь на своё воровское чутьё.

Проорутся вороны, и быть непременно добру!
По большому секрету мне ветер шепнул поутру,
Что деревня стоит под едва согревающим солнцем,
Подставляя заўлки, как будто ладони, теплу.

Р Е Ц Е П Т

Покуда месяц прибывает
И в свой серебряный рожок
Метель над полночью играет,
Январский собери снежок.

Сложи в дубовую кадушку
(Запомни или запиши)
Помимо снега, две осьмúшки
Бывáльщин пинежской глуши.

А сверху — гнёт поморской стужи.
И в подпол. Дале не плошай.
Когда дождями занедужит
Неугомонная душа,

Достань кадушку из подполья
(Хворóбу чтобы извести)
И в аккурат, в охотку, вволю
Снежком январским похрусти,

Бывальщин пинежских отведай.
Восстав с печального одра,
Ступай по вековому следу
На Севера...

* * *

Летит ко мне Поморский голубок*!
Спешит родной, наверное, оттуда,
Где на снегу январский след глубок,
И глубоко предвосхищенье чуда,

И каждый день идёт чин чинарём**,
Покуда есть в поленнице поленья,
И пышет печь, как водится, теплом,
И пишутся легко стихотворенья.

А если вдруг в носу зашебаршит,
Я знаю, то не грипп и не простуда—
То в детском сердце продолжает жить
Глубокое предвосхищенье чуда!

* Поморский голубок — птица счастья.

** Чин чинарём — как полагается,
как следует, чин по чину.

НА СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Завиру́ха лютует—накрыла село дуроверть.
Всю округу заносит—вовечи никто не отыщет.
То не снежные птицы слетаются на токовище,
То земное вплетается туго в небесную твердь.

Старики говорят, нынче первая встреча весны.
Но заносит округу, и, значит, весне нету ходу.
Календарными числами вряд ли обманешь природу.
Верховодит февраль—и поэтому вьюги должны

Занавешивать шторами неба оконный проём.
И пробóристый ветер, поди́, для того пригодится...
На заборе сидит и весну поджидает синица.
Мы расчистим дорожки и тоже её подождём.

* * *

*Деревянными храмам Присвирья,
которые мы не смогли сберечь на родной земле,
посвящается*

Взрывают лёд на северной реке.
Эх, милые, ну где ж вы раньше были,
Когда отсюда память увозили
Под песни не на русском языке?!

Что медлили?! Открытая вода
Не допустила б этого бесчинства
И по святым законам материнства
Уберегла б от чёрного стыда!

Но поздно... В растревоженной тайге
Ревёт вода от огненной разлуки.
А взрывом перемальывает звуки,
Как мутный лёд на северной реке.

Ф Е В Р А Л Ю

У февраля два друга — метель да вьюга.

Русская народная поговорка

Я узнал, что у тебя два друга —
Целых два! — метелица и вьюга.
Мне не отыскать и одного.
Нет, не тяготит меня бездружье,
Но порою как-то неуклюже
Дышится без друга моего.

Может быть, задружимся с тобою?
Все свои секреты я открою,
А твои секреты сберегу.
Умолчу, зачем морозы строги
И зачем у выстывшей дороги
Так синеют тени на снегу.

Н А П Р О Щ Ё Н О Е
В О С К Р Е С Е Н Ь Е

Весенний свет, густой и золочёный,
По всей округе разливает мёд.
Сегодня день особенный — Прощёный,
И оттого душа моя поёт.

Собрав с утра простое угощенье,
Иду себе, улыбчив и открыт,
Испрашивать у ближнего прощенья.
— Прости меня!
— Господь тебя простит.

И ты прости!
— И я, и я прощаю!
— Садись скорей. Обед уже готов.
Сажусь тихонько, сердцем ощущая,
Что полон мир друзей, а не врагов.

Любуясь жизнью, как новорождённый,
Я образ Божий в каждом узнаю.
Как хорошо прощать и быть прощённым.
Наверно, так же хорошо в Раю!

Мы молодой весны гонцы...

Ф.И. Тютчев

НА МАРТОВСКИЙ
СНЕГОПАД

Снег идёт, и идёт, и идёт...
Вот ворона разинула рот.
По всему, это мокрое дело
Основательно ей надоело.

Снег идёт, и идёт, и идёт...
Во дворе появляется кот.
Ей бы взять да охаять кота,
Только нынче и то маета.

Только нынче и сё маета,
Потому что погода не та.
Где же ты, на весну поворот?
Снег идёт, и идёт, и идёт...

П Р О З А Ж И З Н И

В деревне грязно, пасмурно и сыро —
Снаружи и внутри сплошной расхляб.
Немолодая продавщица Ира
Ждёт принца, ну, не пьющего хотя б.

Но почему-то царские особы
Не жалуют сей продуктовый рай.
Черствеет залежавшаяся сдоба,
Перестоявший остывает чай.

И в той же монотонной перспективе,
Где всё никак не наложится снег,
Сидит Серёжа в проржавевшей «Ниве»
И кушает вчерашний чебурек.

Он съест его, а я поставлю точку.
Вы спросите, о чём же этот стих?
О том, что на ветвях набухли почки,
Но люди и не думают о них.

У Д О М А Т В О Е Г О

У дома твоего стоит весна.
Дом на горе и, значит, к Небу ближе.
Он ни теплом, ни светом не обижен,
Здесь южная любая сторона.

А под горой мостки ещё в снегу,
Ещё в снегу ограды и овины.
Среди сугробов маются осины
И о весне пока что ни гу-гу.

И ты стоишь у дома своего—
На нежном теле платьице в горошек.
Ах, до чего ж сегодня день хороший—
Спасибо всем, кто сотворил его!

НА ВЕРБНОЕ
ВОСКРЕСЕНЬЕ

Москва кремлёвская — манерная.
В Кузьминках* те манеры — пшик.
Здесь у метро торгует вербами
Седой улыбчивый таджик.

Скупают бойко православные
Три веточки за сто рублей.
Естественно, не это главное
Для тихих предпасхальных дней.

Не это... Но из детства вспомнится
(А почему, не знаю сам),
Как, притаившись, вербы-скромницы
Тянули ветви к небесам.

И я тянулся вслед за вербами,
Тянулся телом и душой.
И верилось тогда, наверное,
Что я уже совсем большой...

Таджик довольный улыбается,
Взяв у меня пятьсот рублей.
Не так ли сердце откупается
От детской радости своей?

* Кузьминки — район на юго-востоке Москвы.

Н А Б Л А Г О В Е Щ Е Н И Е

...птица гнезда не завивает,
девица косы не заплетает.
Русская народная поговорка

Зайдётся от волнения восток.
Замрёт в благоговении цветок.
И ты замри, и не слетай с куста.
Кукушечка, молю, не вей гнезда.

Ослушаешься — станешь причитать,
Года свои бездомные считать,
Но не избежнешь Божьего суда!
Кукушечка, молю, не вей гнезда.

Былинки ветхой даже не тревожь.
Погожий день упустишь? Ну и что ж?
Их много будет на твоём веку.
Кукушечка...

Кукушечка...

Ку-ку...

П А С Х А Р А Н Н Я Я
(рассказ старого священника)

Днём пригреет, ночью поостудит —
Крепости весна не набрала.
В церковь принесли сегодня люди
Брашна для скоромного стола.

Писанки да пасхи с куличами
Собрались, как водится, гуртом.
Сорок лет священства за плечами
Всё ведут привычным чередом.

Мисочки, корзинки, узелочки
Умножают наших дней тщету.
Вдруг девчушка:
— Батюшка, носочки
Передайте Господу Христу.

По земле ходить Ему немало,
А тепла чего-то нет и нет...
Боже, Боже! Как просторно стало
Мне на Пасху через сорок лет!

* * *

Доходяга-деревня лежит меж разбитых дорог.
Ни о чём не мечтает, о помощи больше не просит.
Из полсотни дворов шаборшáтся безрадостно восемь.
Ешь и пей, кудри вей — доходяги известен итог.

Хоть ты тресни — известен! И только сосед-баламут
Бесшабашно поёт, словно кем-то нарочно обучен.
А на небе черно. А на небе бесчинствуют тучи.
И не вспомнить уже, что в грозу на Руси не поют.

П О З Д Н Е Й В Е С Н Е

Апрельские тезисы резки,
Но тезисам этим назло
Пролески цветут в перелеске,
Хоть снегу вокруг намело.

Хоть ночь не желает упрямо
Обменивать минус на плюс
И выставить зимние рамы
Я всё ещё не соберусь —

Пролески цветут в перелеске.
Среди кутерьмы снеговой
Весенней наивности всплески
Чаруют своей синевой.

Тепло нам не выпало ранним —
Бесмысленны пряник и кнут —
Но вновь зачарованный странник
Поёт, что пролески цветут.

П Р О Ш Ё Л А П Р Е Л Ь

Прошёл апрель. Прошёл по рекам лёд.
Вода вошла в привычные границы.
И вот уже в далёкий рейс стремится
Из порта пассажирский теплоход.

Добавив белой краски в акварель
Округи, пролетит, едва касаясь
Воды, четырёхпалубный красавец—
Посланник мегаполисных земель.

На нём всю кипит иная жизнь.
Там музыка... Но мне туда не надо.
Мне здешняя цветущая прохлада,
Над берегом снующие стрижи

И эта запоздалая весна
Милее лучшей музыки на свете!
Так радостно—я это всё приметил
И сердце напитал своё сполна.

Я сяду, как простецкий мальчуган,
На старом позаброшенном причале
И залобуюсь, как волной качает
Зарёю позолоченный туман.

В позолочённой этой пелене
Гудок прощальный всё собой заполнит...
Я знаю, эти берега запомнят
И, значит, не забудут обо мне.

Г Р О З А

Ощёрилась полночная гроза.
Чернеют в небе грозовые скулы.
Вот молнией по сердцу полоснуло,
Громáми память настезь распахнуло —
И хлынули былого голоса.

Шумят они, но лишь едва-едва —
Не разберёшь уже и половины —
Мне слышатся случайные слова,
Которые для прошлого едины.

К чему они? Да вроде ни к чему.
Но вспомнится, и сам я не пойму,
Откуда это: май, и бабка Нина,
Да у забора скромная рябина.

Слова шептались, дерево дрожало,
Оберегая дом наш от пожара.

Как позабыться это всё могло?
Не позабылось — просто утекло
За дом соседский, за проулок, за...
Отмаялась полночная гроза.

С Р О Д Н И К А М

Не корите меня. Сам себя я нещадно корю,
Что порой забываю и важные даты, и лица.
За столом не сажу... Не браните меня. Не сидится.
И простите, что прямо о том не всегда говорю.

Я, наверное, много ненужного наворотил,
Но, поверьте, покуда Господь отпускает мне силы,
На далёком погосте сыщу все родные могилы
Среди тысяч других для кого-то родимых могил.

Н А Д У Х О В Д Е Н Ь

Столько в сердце сегодня зелёного и голубого.
Да, от этих цветов невозможно не быть молодым!
Разливается май— воплощение Духа Святого,
Потому-то и мысли мои благодатно чисты.

Благодатно лежат за рекой среднерусские дали.
Благодатно сидит на крыльце после бани сосед.
На лугу благодатно гнedyе кобылы заржали.
И церквушка стоит благодатно полтысячи лет.

Разомлев от тепла и от трели густой соловьиной,
Уходить из деревни совсем не торопится день.
Нет для грусти ни места, ни самой малейшей причины.
Только жаль, что так скоро в саду отцветает сирень.

Е Р М А К Е В С Е И Ч

Отселе до Донбасса далеко
И до царя далéче, но до Неба
Рукой подать, и все людские требы
Слетаются ко Господу легко.

Отселе до Донбасса... Рубежи
Надёжно охраняет древний Камень*.
Живи себе... Но обжигает пламя
Всё естество неумершей души.

— Очухайся, Ермак! — ворчит жена.
Отваживают знающие люди,
Мол, ничего толкового не будет
И всем его стараньям грош цена.

Живи себе... Ложится твёрдый след
Отселе и до самого Донбасса.
Шагает сибиряк, сержант запаса
Ермак Евсеич — девяносто лет!

* Камень — Уральские горы.

НА ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Давай неспешно, чтобы не спугнуть
Зарю, что притаилась за забором,
Изменим наш обыкновенный путь
До храма у речного косогора.

Пройдёмся по посёлку в тишине.
Таких мгновений в нашей жизни мало,
Поэтому они милее мне...
Уж бледный месяц в звёздной пелене
Уходит прочь печально и устало.

Дышать легко. Дорога не пылит.
Начало дня — не время ностальгии.
Весь Божий мир давно уже не спит
И солнца ждёт, как первой литургии.

Едва угомонились соловьи.
Исчезли звуки ночи соловьиной.
И мы идём, не чувствуя земли.
И день, что был, казалось бы, вдали,
Раскрыл свои объятия над равниной.

Помолодевший на рассвете луг
Откроет мне секрет преображенья.
Весна, как птаха, выпорхнет из рук...
И у неё сегодня Вознесенье.

Все было, было постепенно,
Как постепенен летний день...

Г. Шпаликов

К О Р О Т К О О П О Г О Д Е

—Однако дело пахнет керосином!—
Сказала баба Женя бабе Зине.
И понеслась, поехала, пошла
Молва о том, что тридцать лет не будет
И тۇтошним, и посторонним людям
Ни солнечного света, ни тепла.

В шкафах повально вяннут сарафаны,
Лежат в чуланах отпускные планы—
Закрыли лето на переучёт.
И дед Степан ушанку не снимает.
Глядит на небо, словно точно знает
Погоды на столетия вперёд.

—Однако дело пахнет керосином!—
Сказала баба Женя бабе Зине.
И понеслось, поехало, пошло...
С молвою на деревне веселее,
Но, чтобы мы вконец не ошалели,
Ты приходи к нам, летнее тепло.

В П О И С К А Х С О Л Н Ц А

Пойду в поля — поклікаю,
В чащобы — поаукаю.
Где бродишь, ясноликое?
Окончится разлука ли?

Весна — девица с норовом —
Тобою не целована.
Дни за окошком хворые,
Ненастьем околдованы.

Июнь в саду, под вишнями,
Озябнет и расхнычется...
Согрейте сердце ближнего,
И солнышко отыщется.

М А Л Ь Ч И К А М В О Й Н Ы

Слава героям, здесь, на Свири,
1000 дней оборону державшим...
А.А. Якимовский

А мальчики играют в волейбол.
А мальчикам всего по девятнадцать.
Им хочется купаться, целоваться,
Шуметь с друзьями — остальное вздор.

Им хочется — и значит быть тому.
В реке свинцовой можно искупаться,
Со смертью горячо поцеловаться,
И, чтобы не остаться одному,
Товарищей собрать в могиле братской.

Им хочется... Поёт сосновый бор,
И не поют сигнальные ракеты.
Спаситель мой, продли минуты эти!
Пусть мальчики играют в волейбол.

П О К Л О Н З Е М Л Е К О Н Д О В О Й

Мне говорят: «Отрезанный ломоть».
Но не душой, а телом я отрезан
От берега, где всё от плоти плоть,
Где па́губу любую побороть
Нетрудно, где у дома пахнет лесом,

Водой озёрной, спелую травой,
Июлем из двадцатого столетья.
Всё это мог и вовсе не иметь я,
Но я имел — и потому живой.

И северной земле не изменял,
Хотя судьба по-всякому кружила...
Молюсь о деревенских старожилах,
Что нянчили по совести меня.

* * *

То было в июле... То было в июле
Такого числа,
Когда все земные заботы уснули
И липа цвела.

И белая ночь над июлем парила —
Не сыщешь белей!
Под липой Пречистая Дева Мария,
Три ангела с Ней.

Пресветлая вéлию Тайну носила
Во чреве Своём.
— Тебе бы родиться, Младенец мой милый,
В цветенье таком!

Три ангела крыльями тихо взмахнули
И скрылись в заре...
Младенец — творенье родился в июле.
Творец — в январе.

В К О Л О М Н Е

*В Коломне Анна Ахматова побывала
всего однажды — 16 июля 1936 года*

Я шёл один Ахматовской тропой
Средь домиков цветных, садов отцветших.
Шёл наугад булыжной мостовой
И вот своей рифмованной судьбой
Соединился с судьбами прошедших

Сквозь арку древних Пятницких ворот,
Сквозь переключку колокольных звонов
И далее — до седовласых склонов,
Где величаво башня предстаёт

Перед очами... Дивный, дивный город,
Ты словно символ пакибытия!
Июльский день... Ахматова... Скамья...
И тень от деревянного забора.

* * *

А во краю лихом,
На берегу крутом,
Стоит поросший мхом
Один чудесный дом.

У дома борщевик
Да стайка ивняка,
А в доме чей-то лик
Взирает с потолка.

Со стен глазают львы —
Творенья чьих-то рук.
И никакой Москвы
На сотни вёрст вокруг.

* * *

В.Н.

Рано-рано, когда и печали
Над деревней ещё не лютуют,
Вспомним Слово, что было в начале.
Вспомним, дру́же, но только не всеу.

И не всеу дойдём до колодца,
И не всеу засядем за чаем.
Даже речка, что Ёстьей зовется,
Вспомнит Слово, что было в начале.

Мы с тобою о многом мечтали
И мечтаем, но малым довольны...
На Шали́мовой дышится вольно,
Так же дышится в самом начале.

* * *

Орешник, персик, чёрный виноград,
Простой, как детство, запах мамалыги,
Бездельничают старые мотыги,
И сливы в окна мазанок глядят.

Да, в этом я... И в этом: у болот,
Меж сосен звонких, валунов замшелых
Поэзия лежит морошкой спелой,
Лежит себе и ничего не ждёт.

Всей этой безмятежности дано
Благие зёрна очищать от плевел...
Душа моя — бескрайний русский север,
Но кровь моя — молдавское вино!

А В Г У С Т О В С К О Е

Рассвет теперь иной... Совсем иной.
Закатные часы совсем иные.
В луга выходят кони вороные,
Чтоб ночи пропитались чернотой.

А дни теперь напоминают мёд —
Густой, янтарный, с лёгкою горчинкой.
Последний месяц лета, как слезинка,
На солнышке блеснёт и пропадёт.

Конечно, знаю я, что неспроста
И дни, и ночи так преобразились.
Птенцы уже окрепли, оперились
И просятся из тесного гнезда.

* * *

Я в чернику бессонных ночей
Добавлял молоко Прионэжья.
Каждый куст был до одури нежен,
Так, что вовсе не сыщешь нежней.

Обнимал я в тиши луговин,
Что, увы, не удержишь в объятых.
И медовый дурман Приоэтья,
Августейших садов властелин,

Мне шептал, что на том берегу,
За угóром, аукает осень...
Но под летнее пение сосен
Я поверить ему не могу.

* * *

*Успенской церкви, сгоревшей в Кондопоге
10 августа 2018, посвящается*

Казалось, пред империей слаба
Сама судьба... Преторианцы браво
Шагали в ногу, и кричала: «Ave!»
Голодная до зрелищ голытьба.

Клевал пшеницу царственный павлин.
Шафраном и альпийскою фиалкой
Благоухали пьяные весталки,
Идущие на древний Палатин.

Пресытившись могуществом своим,
Патриции в тени олив сидели,
И мученики на кострах горели...
Был вечен и беспечен душный Рим.

* * *

Стремительно августеет...
Взаправду и наяву
Стихи на ветвях желтеют,
Алеют и бронзовеют,
И падают на траву.

Метафоры от кипрея
И рифмы от черемши.
Поэт, подставляй скорее
Ладони своей души!

Стихи упадут в ладони,
И строки прильнут к строкам,
И за руку Кто-то тронет,
А Кто — догадайся сам.

Ч У Ж И Е Я Б Л О К И

—Эй, паря, и не стыдно воровать?!—
Услышал и застыл, не понимая,
За что же можно вором называть,
Когда вокруг земля—моя, родная?!

Был вечером тяжёлый разговор.
Я подошёл к подвыпившему деду.
—Малой, не думай даже. Ты не вор.
Запомни только, что и дом, и двор
Теперь не наши—продали соседу.

Жизнь разделило чёрною межой
На до и после. Я смотрел впервые
Туда, где дом чужой и сад чужой,
И яблони, и яблоки чужие.

Г О Л О С С Е В Е Р А

О многом Север сказывать готов—
Уважить собеседника в охотку.
Плывут себе бухтины*, словно лодки,
Вдоль невообразимых берегов.

Диковинные сказы побредут
Среди овинов, ба́ин, огородов
И до того смурные неба своды
Сиянием эдемским зацветут.

И вздрогнут деревянные коньки,
И охнут половицы на рассвете,
Духмяный запах лета на повети
Напомнит сенокосные деньки.

Во всём многообразье голосов
Говбрю** обонежскую услышу...
На этом свете ничего нет выше,
Чем откровенье родины без слов.

* Бухтины — небылицы, вымысел.

** Говбрю — северный говор.

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало...
А. Тарковский

Е Ж Е В И К А

Истончаются летние блики—
Вот и вересень* -розовощёк!
Я поспелой набрал ежевики
Не в ведёрочко, а в кузовок.

То не прихоть моя, то невинный
И наивный из детства привет.
В кузовочки глухую малину**
Собирали и прадед, и дед.

А теперь я хожу, не блукáя***,
По земле своенравных болот.
Трону ягодку— нет, не глухая—
Слышит, чувствует, даже поёт.

Глажу нежное грубой рукою,
И мечтается мне об одном,
Чтобы каждый нашёл неглухое
В этом мире до боли глухом!

* Вересень— сентябрь.

** Глухая малина— ежевика.

*** Блукать— блуждать.

О С Е Н Н Я Я М О Л И Т В А

Какая прелесть эта прель!
Какое счастье— день ненастный!
Плывёт над крышами кудэль
С теченьем осени согласно.

И всё, что кроме,— ерунда.
Но отчего же неустанно
Смотрю с волнением туда,
Где лето затворяет ставни,

Где покосившийся сарай,
Где просто так собака лает?
Благословляю птичий грай!
Благословляю птичий грай...
И он меня благословляет.

П О С Л Е Л Е Т Н Е Е

Месяц клюквы и зрелой смолы
Заскулил за забором сутулым.
Выгнал сіверко лето с горы—
Тем же ветром и дачников сдуло.

Кто не сдулся, сидят по домам,
Топят печи, глядят на дорогу.
Гроздь рябины легла между рам,
Чтоб осеннюю скрасить немóгу.

Та рябина красна, но горька.
Вот и жизнь—не конфеты-букеты...
Гладит осень хромого щенка,
Бессердечно забытого кем-то.

* * *

Мне вспомнилось одно — тогда мне было пять, —
Что в вековом доме, где протекала крыша,
Я в годики свои был этой крыши выше,
И дождик с потолка бежал со мной играть.

Он помогал летать, когда всю леталось.
Он не мешал болеть, когда болелось мне.
Казалось бы, вода текла — какая малость —
Да нежный след её виднелся на стене.

Теперь пейзаж иной, и дом иной, и крыша.
Всё крепче и теплей — чего ещё желать?
Но просится душа туда, где крыши ниже,
И мне всего лишь пять... И мне всего лишь пять.

УЧИТЕЛЮ

Ивану Васильевичу Рыжикову

В Салтыковке ты, а я в Малáховке —
Нам на это нечего пенять.

Для души есть золотые маковки,
Для стихов есть белая тетрадь,

Для ума на полках книги тучные,
Для желудка всяческая снедь.
Может быть, живут благополучнее,
Только нам ли этого хотеть?

За окном пылают гроздья спелые.
Мне вполне понятен их намёк.
Дай-ка я «Рябиновую» сделаю
И зайду к тебе на огонёк.

С Е Н Т Я Б Р Ю

Мальчик мой, я тебя посажу на коня.
И помчится тот конь, удилами звеня,
По бескрылому полю, крылатому лесу,
Невесомость добавив к румянному весу
Августовского яблока, то есть меня.
Мальчик мой, я тебя посажу на коня.

Мальчик мой, а в реке настоялась вода —
И черна, и крепка — не видал никогда
Ты такого оттенка. Судьба нам поречье.
Простодушно, конечно, и простосердечно
Думать будто судьба эта будет проста...
И в тебе, как в реке, настоится вода.

* * *

По земле туман рассветный стелется,
Дым печной струится в небеса,
Осень, как таёжная медведица,
Глубже пробирается в леса.

Впереди дорога угасания.
Как бы ни петлял надежды след,
Северное хриплое дыхание,
Сонного предзимья силуэт

Близятся — уже не за чащобами!
Не с того ли в избах огоньки
Кажутся роднее мне особенно
В эти беспросветные деньки?

Годы, словно листья, осыпаются...
Снова вижу за окном моим —
Утренний туман к земле ласкается
И уходит в поднебесье дым.

П Р О Л Е Т А Ю Т Г У С И

Пролетают гуси над землёю
Низко— снегу быть на Покровá!
Ночью под опавшею листвою
Зябнет потускневшая трава.

В это время, хмурое, глухое,
Хорошо о светлом помечтать.
Не зовите, гуси, за собою,
Не хочу я с вами улетать.

Летнее ещё не позабылось.
Летнее в душе не отцвело.
Но уже с небес, скажи на милость,
Падает прощальное перо.

И октябрь уже стучит в ворота,
Покрывая красным рукавом
Дальние брусничные болота
И луга, где бегал босиком.

* * *

Привезите мне белого цвета Онежского озера.
Привезите мне белого света олонецкой полночи.
Привезите мне белого снега с дороги просёлочной
В час, когда уходящего солнца следы подморозило.

Пусть над серой землёй кобылица с туманною гривой
Пронесётся, оставив гостинцы такие желанные:
Беломорский напев вперемешку с крупичами манными
Да карельскую тишь, предрассветную, неповторимую.

Белый цвет расцветёт за окошком букетом приветливым.
Белый свет домотканой дорожкой по полу расстелется.
Белым снегом укутает даль, и, конечно, поверится,
Что в такой белизне и сердца станут более светлыми.

Молодая Луна обернётся княжной белолицею,
Черноокая ночь побелеет и станет белесою.
Всё наполнится Богом, как поле дрожащими росами.
Пропитается тайной, как небо ночными зарницами.

И над белою гладью едва задремавшего озера
Ветер—вольный поэт—будет строчки слагать немудрёные,
И читать их княжне, и летать меж поникшими клёнами
В час, когда уходящего года следы подморозило.

П О М И Н А Л Ь Н О Е

Здесь всё, как прежде... Там, где был сельмаг,
Единственный фонарный столб хиреет,
Кренится набок: так ему виднее,
Что дело с освещением — табак.

Мост на реке скрипучий, подвесной
Пока ещё работает исправно,
Соединя левый берег с правым
В бескрайний холод и в случайный зной.

Смекнув, что дальше некуда годить,
Дома, амбары, бани, сараюшки
Боками прижимаются друг к дружке,
Не ведая, что будет впереди.

А впереди известная пора,
Но так её ещё не проходили —
Последнюю старуху проводили,
Последнюю избу заколотили
Вчера...

* * *

Н.В.

Ангел мой у оврага, где яблоки свалены в кучу,
Где гниенье берёт над румянцем и крепостью верх.
Нет ни ивы плакучей, ни липы скрипучей—беззвучно
Воплощается снег и осенний кончается век.

Ангел мой у оврага. Он видел, как яблоки зрели,
Как июнь и июль берегли их, а август срывал,
Как в беспечных стихах воспевали потом менестрели
Наливные плоды, обходя за кварталом квартал.

Ангел мой у оврага. Он яблоки тихо собирает,
Исцеляет от грязи, гниения и немоты.
Над земными твореньями слышится «Рáю мой, Рáю»,
И готовит Господь для небесных творений холсты.

КУСТЫ ДЕРЕВЕНЬ *

Облетают кусты деревень—
Каждый куст неказист.
Солнца нет, и не падает тень
На белеющий лист.

И не пишется мне на листе
О любви и о снах.
Я рыдаю о русской беде—
Измождённых кустах.

Неужели, Всевидящий Спас,
Их часы сочтены?!
Если осень в России сейчас,
Поддержи до весны!

По весне не убудет забот—
Много кто неказист...
Будет солнце, и тень упадёт
На исписанный лист.

* Кусты деревень—сёла.

В Д Е Н Ь П А Р А С К Е В Ы
П Я Т Н И Ц Ы

Пахнет всюду квашеной капустой—
Так безделье пахнет на селе.
Грязи густо, да князей негусто.
Втихаря тоскуют о тепле,

Сбрасывая жухлый лист, деревья.
По ночам такой берёт озноб
Оттого, что осень ежедневно
Воет в голос и ревёт взахлёб.

И направо—то же, что налево.
Поприжмёт—начнёшь соображать...
Помолись о бабах, Параскева,
Что в беспутье вздумали рожать.

О Р В И

Четвёртый день постелен мой режим.
Температуру. И, от жара что ли,
Я вспомнил, как выспрашивал о море
У бабушки: «Бабуля, расскажи...».

А бабушка варила морс полезный
И отвечала: «Голубок болезный,
Дак море-то, как наш цветущий луг
За домом...».

Я довольный улыбаюсь,
И на цветах во сне своём качаюсь,
Одолевая вирусный недуг.

Мне тридцать пять! Узнал я моря звук.
Увидел цвет, что бабушка ни разу
Не видела. И ночью черноглазой —
Глазливой ночью — вспоминаю сказы,
Где море — луг, за нашим домом луг.

Б Л А Ж Е Н С Т В О Б Е Р Е Ж Н О Г О С В Е Т А

В поэтическом пространстве Алексея Гушана всё следует и хочет следовать издревле существующему космическому распорядку, его предустановленной гармонии. Не случайно сборник назван «*Вкруг солнца*», а разделы книги соответствуют четырём временам года.

Эта поэзия тишины и живёт она в тишине пребывания в жизни как в мистерии круговращения года с его трудными одоленьями и терпеливыми буднями. И прибывания: медленного, как прирастание годовыми кольцами дерева. Приметливость души вырастает из крестьянской приметливости к природе, её сообщениям: пролетели ли низко гуси, ветер ли завыл в колодце — в деревне всё это знаки, обещающие испытания или радостную передышку. Не говорить много — но всматриваться и вслушиваться.

Жанр задушевной и доверительной беседы с читателем определяет и лексику: порой она почти разговорная, присыпанная словечками из обыденной жизни, из детства. Когда острота внимательного взгляда сопрягается с поэтическим чутьём, проявляются и дышат такие свежие, меткие наблюдения и образы: «*Истончаются летние блики*», «*волной качает / Зарёю позолоченный туман*», «*Осень, как таёжная медведица, / Глубже пробирается в леса*», «*покрывая красным рукавом / Дальние брусничные болота*», а сцены из обыденной человеческой жизни, как прожилками светотени, пронизаны и лёгкой иронией, и вздохами грусти. О хрупкой

прелести и горьких утратах говорится просто и беспарфосно, лаконизм высказывания вмещает в себя экзистенциальный подтекст, как в строчке *«облетают кусты деревень»*, ёмкая метафоричность которой подсказана жизнью (*«кустами деревень»* называют сёла). Живописные картины *«В Коломне»* напоминают щедрый левитановский пейзаж, но завершаются скупым, рассыпающимся двустрочием: *«Июльский день... Ахматова... Скамья... / И тень от деревянного забора»*, пронзительно сопрягаясь с минимализмом поздней ахматовской лирики и, шире, с её нелёгкой скитальческой судьбой.

И всё же главное, к чему стремится автор — подарить своим читателям утешение и надежду, показать, что и в ветхом, и в обыденном можно видеть свет радости и любви, и потому интонации его высказываний нередко близки к материнским, оберегающим, успокаивающим и даже наставляющим: *«Мир сейчас доверчивый такой, / Как новорождённый в колыбели»* (*«Юрьев день»*). За целебным воздухом автор ведёт лесными тропами к утаённому (мне вспоминается проза К.Г. Паустовского): к поляне, засыпанной северной ягодой, к тихому озеру с шумом сосен, засмотревшихся в небо, к чуду жизни, пробившейся не в срок... Живущим и выросшим в мегаполисах эти интонации — как дуновение губ на ссадины разбитых детских коленок — утишает боль, утешает, наполняет благодарностью.

Однако трагическое — без бурных эмоциональных всплесков и сообщения об авторских рефлексиях — всё же проступает порой через мягкий свет стиховой ткани, как, например, в этих строках: *«Доходяга-деревня лежит меж разбитых дорог. / Ни о чём не мечтает, о помощи больше не просит»*. И сдержанная повествовательность сообщения наливается отчаянной болью. Сельские пространства стихов Алексея Гушана «населены» людьми столь же немногочисленно, как вымирающие по всей России деревни, в которых ещё теплится

жизнь, чаще других поминаются старики и дети, то есть те, кто сохранил простодушный, открытый и добрый взгляд на мир, бережное отношение ко всему живущему. С ними чувствует свою связь лирический герой.

Помню, как меня зацепило набоковское «С серого севера»: там острота лирического прозрения сплавлена с ностальгией; здесь острота — с пониманием хрупкости этого величественного мира, его возможной быстрой утраты, и самые пронзительные слова — через судьбы малого и малых сих: *«последнюю старуху проводили / последнюю избу заколотили»,* а у следующего, неюного уже поколения нет той прикорневой связи, и держат его руки неумелые топор, главный инструмент крестьянской жизни, и наступает жестокое беспамятство равнодушия, и уже не пребыванье, а приезды, возвращения за глотком чистого воздуха, настоянного на чёрной сентябрьской реке и белой глади озёр, на вдумчивом строе нелёгкой, но согласной с традицией жизни оставшихся ещё жителей деревни, в которой, как и в незапамятные времена, *«до царя далече, но до Неба / Рукой подать».*

Стихи написаны правильными размерами, но ритмичная, мерная силлаботоника не укачивает, не усыпляет, скорее, располагает к тихой беседе. В отдельных случаях Алексей прибегает к более разнообразной стиховой графике и строфике, привнося ощущение естественного, свободного дыхания.

Непосредственность переживания усиливают такие органичные авторские неологизмы, как «глухозимье», «бездружье», они из того же пространства, что и мягкая игра-переключка звуков: *«Их много будет на твоём веку. / Кукушечка... / Кукушечка... / Ку-ку...»* («На благовещенье»), *«Какая прелесть эта прель!»* («Осенняя молитва»). Радует звукопись в двух первых строфах «Грозы» — раскатистое «р» первой строфы сменяется шелестящими шипящими дождевых струй во второй:

*Шумят они, но лишь едва-едва —
Не разберёшь уже и половины —
Мне слышатся случайные слова,
Которые для прошлого едины.*

Лёгкий перебой правильной строфики в этом стихотворении также освежает и создаёт ощущение живого дыхания природы, как и незавершённая предпоследняя строчка в финале:

*Не позабылось — просто утекло
За дом соседский, за проулок, за...
Отмаялась полночная гроза.*

В своих самых негромких, как бы исподволь, из утаённой глубины рождающихся строчках Алексей Гушан даёт нам возможность почувствовать близкое дыхание Бога в явленном мире.

*Литературный критик, искусствовед,
кандидат философских наук
Валерия Исмиева*

От автора	5
Выбор	8
Ч А С Т Ь П Е Р В А Я «З И М А»	
Первозимье	10
В декабре	11
Юрьев день	12
О волшебстве	13
«Был месяц—он листья жёг...»	14
Оттепель	15
Суздаль	16
Русский путь	18
Глухозимье	19
Рецепт	20
«Летит ко мне Поморский голубок...»	21
На Сретение Господне	22
«Взрывают лёд на северной реке...»	23
Февралю	24
На Прощёное воскресенье	25
Ч А С Т Ь В Т О Р А Я «В Е С Н А»	
На мартовский снегопад	27
Проза жизни	28
У дома твоего	29
На Вербное воскресенье	30
На Благовещение	31
Пасха ранняя	32
«Доходяга-деревня лежит...»	33
Поздней весне	34
Прошёл апрель	35
Гроза	36
Сродникам	37
На Духов день	38
Ермак Евсеич	39
На Вознесение Господне	40

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ «ЛЕТО»

Коротко о погоде	42
В поисках солнца	43
Мальчишкам войны	44
Поклон земле кондовой	45
«То было в июле...»	46
В Коломне	47
«А во краю лихом...»	48
«Рано-рано, когда и печали...»	49
«Орешник, персик, чёрный виноград...»	50
Августовское	51
«Я в чернику бессонных ночей...»	52
«Казалось, пред империей...»	53
«Стремительно августеет...»	54
Чужие яблоки	55
Голос Севера	56

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ «ОСЕНЬ»

Ежевика	57
Осенняя молитва	58
Послелетнее	59
«Мне вспомнилось...»	60
Учителю	61
Сентябрю	62
«По земле туман...»	63
Пролетают гуси	64
«Привезите мне белого...»	65
Поминальное	66
«Ангел мой у оврага...»	67
Кусты деревень	68
В день Параскевы Пятницы	69
ОРВИ	70

В. Исмиева.

Блаженство бережного света	71
--------------------------------------	----

Алексей Гушан ВКРУГ СОЛНЦА

Дизайн и вёрстка: Дмитрий Макаровский

Автор обложки: Александр Прокофьев

Автор портрета: Алексей Нейман

Печать цифровая. Тираж 500 экз. Заказ № 0000.